

ОЛЕГ МАРЧЕНКО
Российский государственный
гуманитарный университет (Москва)

**СИЯНИЯ НЕБЫТИЯ (К ВОПРОСУ О МЕТАФИЗИКЕ
СВЕТА И ТЬМЫ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ
И ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА)**

Почему, наконец, грешники не смогут видеть этого света, если он чувственный? Или, может быть, в будущем веке тоже всё ещё останутся преграды, тени, конусы, затмевающие сочетания и многообразные круговращения светил, так что для блаженной жизни в бесконечные веки снова потребуются многотрудная суэта астрологов? Григорий Палама, В защиту священнобезмолствующих. 1,3,35

В этот период смешалось всё. Апатия, уныние, упадничество - и чаяние новых катастроф и сдвигов. Мы жили среди огромной страны словно на необитаемом острове. Россия не знала грамоту - в нашей среде сосредоточилась вся мировая культура: цитировали наизусть греков, увлекались французскими символистами, считали скандинавскую литературу своею, знали философов и богословие, поэзию и историю всего мира, в этом смысле были гражданами вселенной, хранителями великого культурного музея человечества. Это был Рим времён упадка.

[...] О чём они говорили? О Григории Богослове, о Штейнере, о страдающем боге Дионисе, о Христе, о Марксе, о Ницше, о Достоевском, о древней мудрости Востока, о Гёте - и обо всём с одинаковым знанием, с одинаковой возможностью обозреть всё с птичьего полёта, взять отовсюду самое ценное. И не только самое ценное - довести всё до парадокса, обострить и уничтожить, соединить Христа с Дионисом, Канта с Крупном и т.д. Е.Ю.Кузьмина-Караваева

The Radiance Of Non-Existence (Regarding The Problem Of Metaphysics Of Light and Darkness In Russian Twentieth Century Philosophy and Literature)

The article presents interpretation of Alexander Blok's poem «Sphere incandescent» (1912). The author shows that this poem's central conception is

a version of a famous «pyramid of light and darkness». This symbol he traces back to platonic and neo-platonic traditions of European culture. In the poem it is connected with ancient doctrine of apokatastasis.

Keywords: Alexander Blok, pyramid of light and darkness, platonism and neoplatonism, Nikolay Kusansky, Origen, Grigory Nissky, apokatastasis.

Шар раскалённый, золотой
Пошлёт в пространство луч огромный,
И длинный конус тени тёмной
В пространство бросит шар другой.

Таков наш безначальный мир.
Сей конус - наша ночь земная.
За ней - опять, опять эфир
Планета плавит золотая.

И мне страшны, любовь моя,
Твои сияющие очи:
Ужасней дня, страшнее ночи
Сияние небытия.

Александр Блок написал это стихотворение 6 января 1912 г., оно было напечатано в журнале «Русская мысль» в № 4 за 1913 г. Составители и комментаторы последнего, 20-томного собрания сочинений поэта, отмечают (Блок 1997, 133, 857), что строка «Шар раскалённый, золотой» переключается со стихотворением Тютчева *Летний вечер*:

Уж солнца раскалённый шар
С главы своей земля скатила,

а предпоследняя строка - с фрагментом поэмы Пушкина *Бахчисарайский фонтан*, описанием Заремы:

Твои пленительные очи
Яснее дня, чернее ночи.

Можно даже сделать предположение о том, *чьи* это «сияющие очи» в блоковском стихотворении. По всей видимости, Н.Н.Волоховой, взгляд, глаза которой производили незабываемое впечатление даже на тех, кто видел её лишь несколько мгновений.

В широко открытых глазах зияла ночь, на бездонном пространстве которой страшным светом горели две звезды, то вспыхивая, то тускнея, то вновь мерцающая беспокойным сиянием¹⁶.

Никто всё же не прояснил, насколько мне известно, происхождение центрального образа стихотворения, который и несёт основную смысловую нагрузку.

* * *

Стихотворение посвящено Борису Садовскому, поэту, прозаику, критику. Быть может разыскания в этом направлении помогут разобраться с интересующим нас вопросом?

Запись в дневнике К.И.Чуковского свидетельствует, однако, что упомянутое посвящение возникло совершенно случайно.

...Я спросил как-то у Блока, почему он посвятил своё стихотворение *Шар раскалённый золотой* Борису Садовскому, которому он так чужд. Он помолчал и ответил: Садовской попросил, чтобы я посвятил ему, нельзя

¹⁶Из воспоминаний А.И.Белецкого, в которых рассказывается о том, как он в начале января 1908 г., юный тогда студент-филолог и поэт, приехал из Харькова в Санкт-Петербург и со своим другом Н.В.Недоброво встретился с Блоком - и мельком видел и Волохову. «И когда вы возвращались назад, в общем удовлетворившись визитом, - не Поэт и не его взволнованные слова о грядущем носились в вашем мозгу, а прежде всего облик незнакомки, об имени которой вы даже забыли спросить своего всезнающего друга» (Айзеншток 1973, 402).

было отказать. Обычный пассивизм Блока. “Что быть должно, то быть должно”. “И приходилось их ставить на стол”¹⁷.

* * *

Шар раскалённый, золотой
Пошлёт в пространство луч огромный,
И длинный конус тени тёмной
В пространство бросит шар другой.

Образ, с которым мы здесь встречаемся, это, несомненно, образ *пирамиды света и тьмы*. Будучи создан в рамках платонически-неоплатонической онтологии, он в качестве художественного образа весьма распространён в европейской культуре. Можно вспомнить, например, стихотворение Владимира Соловьёва *Мы сошлись с тобой не даром...*, знаменитую последнюю строфу:

Свет из тьмы. Над чёрной глыбой
Вознестися не могли бы
Лики роз твоих,
Если б в сумрачное лоно
Не впивался погружённый
Тёмный корень их.

Тот же яркий образ находим и у Альфреда Э. Хаусмена в его *Революции (Last poems, 1922)*:

Катится на запад чёрная ночь.
Лучащееся знамя вскидывает восток.
Призраки и мороки страшных снов
Золотым потоком захлёстывает день.

Но над сушей и морем, всё дальше от глаз,
Скользит над миром туда, за океан,
Свёрнутая в конус вечная тьма,

¹⁷ Запись от 1 апреля 1920 (Письма Блока 1981, 253).

Дурацкий колпак, задевающий луну.
Смотри: вот солнце вздыбилось над головой;
Слушай: к полдню гремят колокола;
И мрак по другую сторону земли
Миновал надир и всползает ввысь.

(пер. М.Л.Гаспарова: Гаспаров 2000, 163)

Этот образ реализуется порою в весьма неожиданных и причудливых формах. Так, известный сонет Артюра Рембо *Гласные* представляет пирамиду света и тьмы следующим образом:

“А” чёрный, белый “Е”, “И” красный, “У” зелёный,
“О” голубой - цвета причудливой загадки:
“А” - чёрный полог мух, которым в полдень сладки
Миазмы трупные и воздух воспалённый.

Заливы млечной мглы, “Е” - белые палатки,
Льды, белые цари, сад, небом окроплённый;
“И” - пламень пурпура, вкус яростно солёный -
Вкус крови на губах, как после жаркой схватки.

“У” - трепетная гладь, божественное море,
Покой бескрайних нив, покой в усталом взоре
Алхимика, чей лоб морщины бороздят;

“О” - резкий горний горн, сигнал миров нетленных,
Молчанье ангелов, безмолвие вселенных:
“О” - лучезарнейшей Омеги вечный взгляд!

(пер. В.Микушевича)

Ю.С.Степанов, автор специального исследования, делает совершенно правомерное заключение о том, что *Гласные* Рембо - сонет о мироздании (Степанов 1984, 341-347). Именно в этом ключе рассматривал «цветной сонет» и Борис Поплавский, а центральный персонаж его романов является, собственно, воплощённой *пирамидой света и тьмы* (как и романы в целом):

Аполлон Безобразов удивительно умел говорить о ней (неподвижности. - О.М.) [...], - но не о полной неподвижности и небытии, а об иной жизни, подобной жизни флагов на башнях, во время которой медленно зреет и повторяется какой-то глубинный и золотой процесс. Ещё он особенно любил говорить о повторении, о красоте бесконечно долгого внимания и углубления внимания, о праведности восточных подвижников. Он говорил о том, что звук Е - начало, О - окружение и сумма всего, У - воля и звук трубы конца мира, А - полнота утверждения и вечность, И - сила, пронзающая окружность, начало всякой личности и печали. Так, долго рассказывал он о значении древних имён, как Озахоо, Индра, Иоанн, Анна. Затем он говорил о количестве и качестве, о сплошном и раздельном, о свободном и необходимом, и голос его падал, как дождь, среди всеобщего молчания... (Поплавский 1993, 118).

* * *

Наиболее основательное описание пирамида света и тьмы принадлежит Николаю Кузанскому. В работе *О предположениях* (ок. 1444 г.) знаменитый неоплатоник пишет:

...Представь себе единство неким формирующим светом, а также подобием первого единства; инаковость же - тенью, отпадением от первого простейшего единства, материальной плотностью. Вообрази пирамиду света проникшей во тьму, пирамиду же тьмы - вошедшей в свет и своди всё, что можно исследовать, к этой фигуре, чтобы с помощью наглядного руководства ты смог обратить своё предположение на скрытое, дабы, опираясь на пример, ты увидел Вселенную, сведенную к нижеследующей фигуре. Обрати внимание на то, что бог, будучи единством, представляет собой как бы основание [пирамиды] света; основание же [пирамиды] тьмы есть как бы ничто. Поэтому, как ты наглядно видишь, высший мир изобилует светом, но не лишён тьмы, хотя тьма кажется исчезнувшей в свете из-за его простоты. В низшем мире, напротив, царит тьма, хотя он не совсем без света; однако фигура обнаруживает, что этот свет во тьме скорее скрыт, чем проявлен. В среднем мире соответственно средние свойства... (Кузанский 1979, 206-207).

Образ пирамиды света и тьмы весьма устойчив в названной философской традиции.

Представим себе сущее как свет, - пишет Алексей Лосев в своей *Философии имени* (1923 - 1927 гг.). - Тогда меон будет тьмой. Это - основная интуиция, лежащая в глубине всех разумных определений. [...] Опре-

деление сущего начинается с той поры, как только свет смысла и тьма бессмыслия вступят во взаимоотношение, точнее, во взаимоопределение. Тогда получится некий вид, или идея, некий образ, представляющий собою разделение абсолютного света на те или другие оформления. [...] В свете рождаются некоторые определённые образы. [...] Однако в световом образе не может быть *только* тот свет, который через участие тьмы является определённо оформленным. Как свет в образе, он - во взаимоопределении со тьмою, но, чтобы быть таким, он должен быть, прежде всего, сам по себе. Ведь свет взаимоопределения - всегда разный, - в меру многообразия световых оформлений. Уже одно это разнообразие указывает на некое единство, *не участвующее* во многообразии. [...] Аналогичное рассуждение должно привести и к независимости в деятельности тьмы, когда она участвует во взаимоопределении с светом. [...] Итак, свет и тьма, именно для того, чтобы во взаимоопределённом образе быть так-то и так-то определёнными, должны оставаться абсолютным светом и абсолютной тьмой, без какого бы то ни было оформления и определения. (Лосев 1990, 48,49)

* * *

Шар раскалённый, золотой
Пошлёт в пространство луч огромный,
И длинный конус тени тёмной
В пространство бросит шар другой.

Таков наш безначальный мир.
Сей конус - наша ночь земная.
За ней - опять, опять эфир
Планета плавит золотая.

И мне страшны, любовь моя,
Твои сияющие очи:
Ужасней дня, страшнее ночи
Сияние небытия.

О важности для Блока образного строя этого стихотворения свидетельствует прежде всего то, что тот же самый образ присутствует – с иной эмоциональной (жизнеутверждающей, светлой) окраской – в знаменитом *Прологе* к поэме *Возмездие*, над которой поэт в это время работает:

Жизнь - без начала и конца.
Нас всех подстерегает случай.
Над нами сумрак неминуемый,

Иль ясность божьего лица.
Но ты, художник, твёрдо веруй
В начала и концы. Ты знай,
Где стерегут нас ад и рай.
Тебе дано бесстрастной мерой
Измерить всё, что видишь ты.
Твой взгляд - да будет твёрд и ясен.
Сотри случайные черты -
И ты увидишь: мир прекрасен.
Познай, где свет, - поймёшь, где тьма.
Пускай же всё пройдёт неспешно,
Что в мире свято, что в нем грешно,
Сквозь жар души, сквозь хлад ума.
Так Зигфрид правит меч над горном:
То в красный уголь обратит,
То быстро в воду погрузит -
И зашипит, и станет чёрным
Любимцу вверенный клинок...
Удар - он блещет, Нотунг верный,
И Миме, карлик лицемерный,
В смятеньи падает у ног!

Здесь очень отчётливо выстроена система оппозиций, дублируемая в *Шаре раскалённом*:

ясность Божьего лица - сумрак неминуемый
рай - ад,
свет - тьма,
святое - грешное,
жар души - хлад ума,
красный уголь - чёрный клинок.
(*раскалённый клинок*) - (охлаждённый).

Подчёркивание Блоком в первом и втором случае *безначальности* мира, а также *закономерной* (маятникообразной) *сменяемости* ночи и дня, тьмы и света, ада и рая – принципиально. Эта закономерная сменяемость ада раем, *невечность адских мук*, и является центральным смысловым ядром рассматриваемого образного ряда. Учение о невечности адских мук и окончательном соединении

всего творения с Богом, знаменитый *апокатастасис*, идея, введённая Оригеном.

Ориген, первый христианский мыслитель, предпринявший грандиозную попытку систематического изложения христианского учения, был, возможно, учеником Аммония Саккаса, у которого учились также Плотин и Лонгин. Ориген глубоко воспринял платонические и стоические идеи. Философ учил о мире конечных чистых духов, равных и вполне совершенных. Они существуют прежде материального мира и наделены нравственной свободой, равной возможностью выбора между добром и злом. Они созерцают сущность Бога и наслаждаются его любовью, участвуя «в святости и премудрости, в самом Божестве». Материальный мир возникает в результате отпадения пресытившихся «разумных тварей» от Бога, облекаемых в качестве наказания в тела. «...Вследствие своей лености, каждое существо само делается причиной своего падения, причём одно падает скорее, другое – медленнее, одно больше, другое – меньше». Разнообразие и неравенство в мире оказывается признаком его несовершенства, поскольку трактуется как результат грехопадения; так появляется зло. В зависимости от степени падения тварных духов Бог наделяет их разными телами: ангелов, людей, животных и т.д.

...Для этого существует праведный суд божественного Промысла, чтобы каждый мог получить по заслугам, соответственно разнообразию своих движений, возмездие за своё отпадение и возмущение; из тех же существ, кои остались в том начале, которое, как мы описали, подобно будущему концу, - некоторые получают ангельский чин в управлении и распоряжении миром; другие же получают чин сил; иные - чин начальств, иные - чин властей [...]; иные получают чин престолов [...].

Пафос учения Оригена – в утверждении принципиальной возможности возвращения к первоначальному состоянию единения

с Богом путём «развоплощения», так как падшие «разумные твари» не теряют свободы.

Те же существа, которые ниспали из состояния первоначального блаженства, но при этом пали не неисцельно, подчинены распоряжению и управлению святых и блаженных чинов, описанных выше; пользуясь их помощью и исправляясь под влиянием спасительных наставлений и учения, они могут возвратиться и быть восстановленными в состояние своего блаженства. Из этих-то существ, - по моему мнению, насколько я могу понимать, - и состоит этот настоящий чин рода человеческого [...] (*О началах*, кн.1, гл.6, 2).

Это и есть оригеновский *αλοκαταστασις* – всеобщее восстановление.

А вот как представлял завершение мирового процесса молодой Владимир Соловьёв, позднее автор, кстати, превосходной статьи об Оригене в Энциклопедии Брокгауза – Ефрона. На предпоследней странице своего сочинения *Кризис западной философии*, текста, который был прочитан Блоком, философ пишет:

...В конце мирового процесса снятие наличной действительности есть уничтожение не самого частного бытия, а только его *исключительного самоутверждения*, его внешней особенности и отдельности; [...] Последний конец всего есть, таким образом, не Нирвана (Соловьёв полемизирует здесь с Шопенгауэром и Э.Гартманом. - О.М.), а, напротив, *αλοκαταστασις των παντων*, - царство духов как полное проявление всеединого.

В 1910 г. в газете «Санкт-Петербургские ведомости» к 10-летию смерти Соловьёва появляются воспоминания его друга Д.Н.Цертелева.

Помню ту публичную лекцию, на которой Соловьёв так увлёкся, что назвал учение о вечных мучениях гнусным догматом. Действительно это, слава Богу, - не догмат, так же как не догмат и то, что вне нашей Церкви нет спасения (Цертелев 1991, 312).

* * *

Тем не менее первоисточник центрального образа стихотворения *Шар раскалённый...* – иной. Это сочинение Григория Нисского *Об устройении человека*, точнее – глава 21-я этого сочинения, носящая заглавие *О том, что Воскресения должно надеяться, не столько вследствие проповеди Писания, сколько по самой необходимости вещей.*

Здесь св. Григорий пишет:

...Нам снова будет возможно течение на поприще добра, потому что порок по природе своей ограничен необходимыми пределами. Сведущие в небесных явлениях говорят, что весь мир исполнен светом, а тьма бывает в месте, отенённом преградой земного тела, да и место сие по шаровидности земного тела, ограничивается конической поверхностью, какую описывает солнечный луч; солнце же, во много крат превосходящее величиною землю, отсюда кругом объёмля её лучами при вершине конуса сопригает сходящиеся лучи света; и поэтому, если предположим, что будет кто-либо в силах перейти расстояние, на которое простирается тень, то непременно окажется он в свете, непресекаемом тьмою. Так, думаю, должно разуметь и о нас, что, дошедши до предела порока, когда будем на краю греховной тьмы, снова начнём жить во свете, потому что Естество доброт до неисчётности во много крат преизбыточествует пред мерою порока. Посему снова рай, снова оное древо жизни... (Григорий Нисский 1861, 162-163).

* * *

Читал ли Блок сам это место из творений Григория Нисского? Почему бы и нет – читал же он (оставляя заметки на полях) *Добротолубие*, в частности, сочинение Евагрия Понтийского, близкого, кстати, товарища св. Григория по каппадокийскому кружку, куда входили также св. Василий Великий, св. Григорий Назианзин и Амфилохий Иконийский. На мировоззрении Евагрия влияние Оригена, в том числе и учение об апокатастасисе, отразилось ещё в большей степени.

Но очень может быть, что великолепный образ солнечного света и конуса тьмы, отбрасываемого в пространство земным шаром, который использовал Григорий Нисский для прояснения своих идей, была «подказана» Блоку, скажем, во время общих разговоров-дискуссий «на башне» у Вяч. Иванова в Санкт-Петербурге или у него же в Москве, а может быть и на одном из заседаний Религиозно-философского общества. Е.Ю.Кузьмина- Караваева, к примеру, так передаёт атмосферу одного из многочисленных собраний у Вяч. Иванова: «Народу как всегда много. Толкуют о Григории Нисском, о Пикассо, ещё о чём-то» (Кузьмина-Караваева 1991, 374).

* * *

Шар раскалённый, золотой
Пошлёт в пространство луч огромный,
И длинный конус тени тёмной
В пространство бросит шар другой.

Таков наш безначальный мир.
Сей конус - наша ночь земная.
За ней - опять, опять эфир
Планета плавит золотая.

Ясно, однако, что у Блока речь идёт не просто об апокатастасисе. Третья строфа полностью переворачивает, замещает, опрокидывает образ жизненного миропорядка, воссоздаваемого из закономерно сменяющих друг друга света и тьмы. Речь, “*бушующее жизнью слово*” – не об апокатастасисе, но об апокатастасисе наоборот, не о грядущем всеобщем восстановлении, а о здесь уже присутствующей (его, поэта) *смерти*, индивидуальном невосстановлении, невоскресении:

Сияние небытия.

ЛИТЕРАТУРА:

- Айзеншток Иеремия: *Из ранних лет научно-литературной деятельности А.И.Белецкого*, в: *Искусство слова*. Москва 1973.
- Блок Александр: *Полное собрание сочинений и писем в 20-ти т. Т.3*. Москва 1997.
- Гаспаров Михаил: *Записи и выписки*. Москва 2000.
- Кузьмина-Караваева Елизавета: *Избранное*. Москва 1991.
- Лосев Алексей: *Из ранних произведений*. Москва 1990.
- Николай Кузанский: *Сочинения. -В 2 т. -Т.1*. Москва 1979.
- Письма Блока к К.И.Чуковскому и отрывки из дневника К.И.Чуковского /Вступ. ст., публ. и ком. Е.Ц.Чуковской “Литературное наследство”. Т.92. Александр Блок. *Новые материалы и исследования*. Кн.2. Москва 1981.
- Поплавский Борис: *Домой с небес: Романы*. Санкт-Петербург, Дюссельдорф 1993.
- Степанов Юрий: *Семантика “цветного сонета” Артюра Рембо*, “Известия АН СССР”. *Серия литературы и языка*, Т.43, №4, Москва 1984.
- Григорий Нисский: *Об устройении человека*, в: *Творения св. отцев*. Т.37. Москва 1861.
- Цертелев Дмитрий: *Из воспоминаний о Владимире Сергеевиче Соловьёве*, в: *Книга о Владимире Соловьёве*. Москва 1991.